

СИЛА ЛЮБВИ

Стихи Олега Ермакова

Cras amet, qui nunquam amavit, quique amavit, cras amet

Пусть завтра полюбит тот, кто никогда не любил,
и тот, кто любил, пусть завтра полюбит (лат.)

ПОРОГ ВРЕМЕН

торжественные стихи

2000

Высок порог Тысячелетий,
Но он настал, и — как тут быть? —
Мы, Мира суетные дети,
Должны его переступить.

Ответствен шаг. Крепитесь, ноги!
Бьет полночь.
Что с собой возьмем?
Любовь.
Надежду.
Мысль о Боге.
Свет.
Радость.
Веру.
Отчий дом.
Мечту, которой нет чудесней.
Частицу юности своей.
Святую Правду.
Смелость.
Песню.
Родную землю.
Хлеб.
Друзей.
О прошлом память.
Вдохновенье.
Добра нетленную печать...

Вперед и вверх!
И прочь сомненья:
В мир сей пришли мы,
чтоб шагать!

* * *

На рубеже земных Эпох,
Меж них, пытливый, восставая,
Бог мириад живых!
Мой Бог!
К Тебе, Владыка, я взываю!

Свод неба черен и отверст,
Навстречу мне искрясь звездами.
О, Всеблагой!
Яви свой перст,
Свободно движущий мирами!
Отринь заветную печать
От врат, пред коими стою я!
Тебя, мой Бог, хочу познать,
Тобой единственным живу я
В юдоли той, где слышен стон,
Где вкрадчив шепот осторожный:
«Слаб человек, – твердит мне он, –
Забудь о Вечности, ничтожный!
Что в мире есть ты? Мотылек!
Приляг, усни! Оставь усилья!»
О нет, не верю!
Вечный Бог,
Тобой мои крепимы крылья!
Их – распахну!
Огнем Твоим
До краю полнится живущий,
Кто властной жаждою томим
Тебя достигнуть, Всемогущий!

На рубеже земных Эпох
Иного не творю кумира.
Тебе – мой взор,
мой всякий вздох,
Господь желанный
Мой – и Мира!

Накануне

Год миновал. Год настает.
Снега очам — что полнолуние.
Вершит планета переход
В Грядущее. Мир — накануне.

Что ждет его? Что нам несет
Река времен, что в Вечность правит?
Что в нем планета обретет?
Чем род людской его прославит?

Завеса Тайны — плащ на том,
Но сколь ни мёртвы тьмы объятья,
Сколь ни грозит она перстом —
Мы верим в лучшее, собратья!

Любя людей, Добро любя,
Мы Небом от невзгод хранимы,
Чтя дружбу, верим мы в себя,
А значит — мы непобедимы!

Не страшен дьявол тем, с кем Бог,
Не хладен лед несущим Пламя.
Шагнем мы с честью за порог,
Восславим Истину трудами!

В ком царь Любовь — царем есть сам.
Пускай лютует вихрь суровый,
Поземкой сыплет в очи нам —
Мы победим!
Гряди, Год Новый!

ESSE FEMINA!*

стихи несравненным дамам

14 февраля

Любви все возрасты покорны,
Как Пушкин некогда сказал.
Мой нежный друг, мой сон узорный,
Привет тебе, мой Идеал!

Ты — огонь Желанья, в плоть одетый,
И вопрошаю я любя:
Что без него я в мире этом?
Чем был бы мир сей — без тебя?

Был темен путь, в душе томленье,
Но в мире туч, средь пустоты
Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты.

О, счастья миг! Душа ликует,
И я шепчу, согласный с ней:
Любовь свободно мир чарует,
Законов всех она сильней!

* Вот — женщина! (лат.)

Любимой женщине

Любовь моя,
К иным речистый,
В причине истинно одной
Ваш нежный лик, ваш образ чистый
Доныне чтил я тишиной:
Коль чувства истинно глубоки,
Для них сыскать едва ли слов.
Но вы мои желали строки...
Ну что ж, извольте: я готов!

Жар грудь томит, роятся мысли:
Ответствен труд! Я напряжен,
Ведь ваши прелести исчислить
Возможно ли?
Их — миллион!

Вот первая: вы так прекрасны!
Вы солнцу самому под стать!
Как утро, ваши щечки красны.
Что делать с ними?
Целовать!

Подобны невесомой тучке,
Что в небе рождена летать,
Белее пуха — ваши ручки!
(От них не дай Господь мне взбучки!)
Что делать с ними?
Целовать!

Я вашими пленен губами.
Их алость с розою равнять
Возможно лишь.
О, редкой даме
Столь нежными пленять устами!
Что делать с ними?
Целовать!

Светлее грез, темнее ночи
Глубь та, где сладко утопать,
Врата блаженства — ваши очи!
Что делать с ними?
Целовать!

Мой друг,
И здесь ли умолчится
Предмет...
К нему мечтой лечу
Я в час закатный...
О, царица!
То малое, чем плоть томится,
Превыше злата мной ценится...

Что есть сие?..
Ах, нет, молчу!

О, наслажденье поцелуя,
Пребуди во мне, сколь годы длю!
Вас целовать всегда хочу я,
О, ангел мой!
Я вас люблю!

Моя позиция

Кто довод лучший мне изложит,
Поправит кто меня, друзья:
Быть Мир без Женщины не может,
Любя его считаю я.

Пусть Бог-мужик, пыхтя, планеты
Толкает посреди веков,
Блюдет закаты да рассветы —
Она вращает *мужиков!*

И ясным днем и темной ночью
Она без видимых помех
Их крутит-вертит как захочет
К великой радости их всех.

Чего бы стоили мужчины
(Прости, отпетый холостяк!)
Без хрупкой маленькой Фемины,
Хранящей жаркий наш очаг?
Какою б страстью пламенели
Мужи земных любых времен;
Да что б они, простите, ели?
Откуда брали самогон,
Когда б его, не нюхав рюмки,
Не изготовила жена?
(Не будь ее тугие сумки —
Мужскому племени хана!)

Что там досужая реклама:
Мир — кладезь женского ума!
Как ни раскинь:
Природа — дама
И дама — Истина сама!
Ее любя, храня упрямо,
Шли в битву с мраком мудрецы,
И в том резон: без этой Мамаы
Возможны ль мудрые отцы?

Так пусть червяк сомненья гложет
Тех, кто любовью обделен —
Быть Мир без Женщины не может!
А если может — Мир ли он?

Величальное

коллективное мужское приветствие по случаю дня 8 Марта

Поразгладь-ка лоб морщины!
Лейся водка! Пенься квас!
Собрались мы, мужчины,
Этим утром ради вас.

Этим утром, утром чистым,
Как шкатулка, расписным,
Утром сказочным, лучистым,
Звонким, радостным, хмельным,
В час весны, что март-проказник
Подарил для Жен и Мам,
В день Подруг,
В Любимых праздник
Мы пришли сегодня к вам,
Все охвачены волненьем,
Точно миссией посол...

Принимай же поздравленье,
Наш прекрасный Женский пол!

Пол не знающий сравненья,
Хоть планету обыщи,
Пол дающий вдохновенье,
Пол варящий нам борщи,
Пол будящий в нас желанье
Покорять и целовать,
Одевать в меха и ткани
(И, конечно, раздевать),
Пол влекущий, сладкий, милый,
С поволокой томных глаз,
Слабый, но незримой силой
Наповал разящий нас,
Пол медлительный, спешащий,
Непокорный власти лет,
Пол святой и пол грешащий,
Пол родящий нас на свет,
Ждущий нас в ветра шальные
Из-за синих гор и рек,
Ждущий верно...

О, родные!
Славны будьте вы вовек!
Будьте счастливы, голубки!
Сердцем преданные вам,
Поднимаем нынче кубки
За любовь,
За Милых Дам!

Признание

Пред днем таким не скрыть азарта:
То — миг Любви, веселья час.
О, Женщины! Восьмое Марта
Бог дал мужчинам славить вас.

Благ будь тот час, когда Создатель
На лавку мужика поклат,
Всадил ему над пузом скальпель
И из нутра ребро достал.

Был чужд любви дотоль мужчина,
Худой и злющий, как Кощей,
И вот явилася фемина,
Сразив его огнем очей.

И с той поры, ттверды иль хрупки,
Красой фигур и негой глаз
Вы, страсти сладостные кубки,
Валите штабелями нас.

Вас любим нежных,
непреклонных,
свет льющих,
полных и худых,
одетых в шелк и обнаженных,
печальных, радостных, любых.

Фонтан Любви, до неба брызни
На миром хлада и молвы!
Без вас в природе нету жизни,
Ведь жизнь, Подруги, — это вы!

Пленяйте ж страстию пунцово
Вы наши бранные деньки!
За вас в момент порвем любого,
Родные!!!

Ваши МУЖИКИ

Портрет царицы

Художник, молодой мужчина
(Знавал его когда-то я),
Влюбился в дивную фемину,
Милее коей нет, друзья.

Лик зря ее, мечтал он страстно
(Ведь сам Господь велел мечтать)
Стан ей сжимать рукою властной,
Уста медовые лобзать.

И вот, не в силах снести страданий,
Муж пылкий сей, душой поэт,
Взяв кисть и краски в юны длани,
Писать взялся ее портрет.

И мыслил он: «О, Вы, царица
Младых ночей, Любви мираж!
В шелках драгих императрицы
Запечатлю я образ Ваш!

В алмазной с жемчугом короне,
Несть кою Ваш удел святой,
В пурпурной мантии на троне
Лик заблестает Ваш златой!

Зреть образ Ваш — нет выше счастья,
Да сохранят его века!
Всецело в Вашей дивной власти
Моя творящая рука».

Так говоря и напевая,
Он деял кистью как душой,
Мазками страсти создавая
Портрет персоны дорогой.

Час шел за часом. Силой Чувства
Среди исканий и трудов
Вершилось таинство искусства:
Портрет царицы, девы снов.

И вот конец настал работе,
И взорам всех предстала Та,
В ком воплотилась, как в полете,
О чудо-женщине мечта.

* * *

Вовеки славьтесь, Кисть и Лира:
Вы, бrenным пеня счастьем кровь,
Являете на радость мира
Царицу сущего Любовь!

ИМЕНИНЫ СЕРДЦА

стихи-поздравления

Весеннее пожелание

Юношеские стихи

В сей дивный день, когда небес
Восторженная синь открылась,
Когда листва не распустилась,
Но ею грезит юно лес,

Когда капли дерзкий звон
Грозит зиме еще не павшей,
А над землею исстрадавшей
Скворцы летят со всех сторон,

Когда нас зайчики слепят
Со стекол сказочно прозрачных,
Когда березки в платьях брачных,
Чуть удивленные, стоят,

И ветер, милый озорник,
Листву минувшего уносит,
И громкий, звонкий детский крик
Теплее солнышко быть просит —

Пусть ваши беды и печали
С зимой в небытие уйдут,
Пусть звуки музыки венчальной
И ваше сердце всколыхнут!

* * *

Любимая!
Век будет мал
Воспеть к тебе мой пыл сердечный.
Но песне — быть:
Твой день настал
Сияющий и быстротечный!

Твой день. Твой час собой пленять.
Ты вся — в цветах и поцелуях.
И, значит, срок настал сказать
О том, что так в тебе люблю я.

Прими подарок чувств живых
Ты, в коей все легко и гибко,
За то, что на устах твоих
Играет дивная улыбка.

Она — как ясная звезда
Торжественно-неповторима,
Она не сходит никогда
С небес для тех, кем ты любима.

Пусть редко вижу я зарю,
Но в том судьбу благословляю,
Что в высь очей твоих смотрю,
Души моей заря святая!

А.П.

В сем мире мы рабы традиций,
Но груз иных — есть Божий глас.
Вам нынче выпало родиться,
Мне — честь поздравить с этим вас.
О, да! При случае не внове
Из уст своих нам сахар лить,
Но тот воспет по чести в слове,
Кому не грех его дарить!
В сей жизни нашей беспокойной
Гость редкий — свет души благой...

Ваш День. И вы его достойны.
Так будьте счастливы, друг мой!

Л.М.

Июль, как песня, на излете,
Но лету длиться, дням — сиять.
Спасибо вам, что вы живете,
Что счастье вас имею знать.

Душа жива мечтой о лете,
Его слагая про запас.
Спасибо вам: вы есть на свете,
Он был печальнее без вас.

Спасибо.
Ибо жить непросто,
Но мрак слабее Синевы,
Коль Бог нам в ней являет звезды —
Такие, милая, как вы!

* * *

Твои года — оазис Лета.
Душою Женщина и Мать,
Ты просто соткана из света,
Что дан растить и согревать.

Ты — ось, сплотившая нас тесно
В круг тот, где властвует Любовь,
Ты — наш очаг, ты — наша песня,
Петь кою счастливы мы вновь.

Что прошлых лет сухие листья?
Все так же молод и могуч
Родник Добра и Бескорыстья —
В тебе немолчно бьющий ключ.

То — ключ Любви и Вдохновенья,
Дарящий нам как благодать
Твое небесное уменье
Печали в радость превращать.

И.Б.

Бог создал мир наш равновесно:
Хлад придан жару, свету — тьма.
Так облик Ваш сплотил чудесно
Богатства сердца и ума.

Неизмеримы их глубины —
Сияньем полный гулкий зев,
И мы по ним, как Алладины,
Идем, от злата охмелев.

Пускай трудна судьбы дорога,
Стезя прозрений и забот,
Но в ком Ума и Сердца много,
Вовек на ней не пропадет.

Как сокол, он над миром реет,
Мерцая звездным серебром.
Не канет и не оскудеет
Душа, крылатая Добром.

И счастлив всяк под солнцем Вашим,
Что щедро свет свой добрый льет,
Испить из драгоценной чаши
Души благой янтарный мед!

Односельчанину

юбилейное

Жизнь — поле беспокойных дней,
В котором мало что исправить.
Настал твой славный юбилей,
И мой черед тебя поздравить.

Я думал долго и гадал,
Лопатя клад твоих талантов,
В уме без счету перебрал
Разнообразие вариантов.
Хотел сказать, каков ты спец,
Какой ты муж, товарищ, плотник,
Какой особенный отец
И фантастический работник,
Как любишь ты отца и мать,
Как в дружбе мягок и сердечен...
Я утомился исчислять:
Был список этот бесконечен!

И обзрев твой полувек,
Решил сказать, мой друг бесценный,
О том, какой ты **человек**...

Сказать ли — «необыкновенный»?

Пусть так. Скажу. Но что с того?
Ведь слово менее искусства,
И разве уместить в него
Живое трепетное чувство?
Ведь ты, мой родственник и брат
По духу и почти по крови,
В делах своих, как ангел, свят —
А как об этом скажешь в слове?

Нет, не доверю я ему
То, в чем хочу тебе открыться.
Так дай тебя я обниму
По лучшей из людских традиций!
Так помолчим, товарищ мой,
О жизни прожитой, о доле!
Еще мы встретимся с тобой
В застолье братском, в общем поле.
И поработав от души,
Благословляя день, что прожит,
В вечерней сладостной тиши
С тобою сяду в «запорожец».

Мы понесемся — любо жить! —
Вдоль по земле своей родимой.

Ты будешь что-то говорить,
Легко попыхивая «примой»,
О пустяках, о том о сем,
Заботам дней ведя итоги;
Нам будет хорошо вдвоем
В тот час вечерний, в той дороге.
Тих будет мир, в душе покой,
И будет взгляд твой лучезарен...

Василий, друг и ангел мой,
За то тебе я благодарен,
Что в душах близких ты пророс
Делами добрыми своими;
Что безупречно, прям и прост,
Свое несешь по жизни имя;
Что не любя мирскую ложь
И не привыкший мелочиться,
С меня, я знаю, не сдерешь
Пятерку за проезд в столицу;
Что свято помнишь ты про честь,
Про долг, добро и человечность...

Друг мой! Спасибо, что ты есть,
И жизнь твоя — да будет Вечность!

В.М.

(моему сослуживцу)

Ты там, где мечет босс сей час
Свои, как невод, интересы.
Летишь то в Харьков, то в Донбасс,
То в Симферополь, то в Одессу.

Меняя даты и места,
Гоним ты вдаль бумажным роєм...
Но, друг мой, эта суета
Что́ стоит пред святым Покоєм,
Когда поток забот и дней
Остановив, неспрадным ухом
Внимаем мы душе своей,
Бессмертной по упорным слухам!

Что может сладостнее быть
В краю, где нам пришлось родиться,
Чем в час рассветный мир открыть,
Вдохнуть озон и помолиться;
И, возлюбя природу-мать,
Молчаньем девственным объатым,
Светло и счастливо стоять
В озолочении закатом!

Вот — смысл людского бытия
От рождения до гроба;
О нем, товарищ, ты да я
Сердечной глубиью знаем оба;
Его, как воду из ключей,
В твой славный день испить желаю
До утоленья жажды сей
Души твоей...

И поздравляю!

ТВОЙ ДЕНЬ

*Дню 16-летия страховой компании
«ПРОВИДНА» посвящается*

За тостом тост, за медом пиво...
Пир, царь наш древний, сердцу мил,
Но тот свой кубок пьет счастливо,
Кто это право заслужил.

О ты, Компания родная!
Заслуга эта — жизнь твоя
Простая, как стезя земная
Меж скал и терний бытия.

К вершине путь твой. Славны даты,
Что в высь Победы манят нас.
Благословен сей день, когда ты
На радость людям родилась.

Порой, когда толпе казалось,
Что хлад и тьма владыки всех,
Ты над иными поднималась,
Вольна от зла, всё вверх и вверх.

Нет, никаким ветрам на милость
Ты не сдалась, учась летать,
Друг верный всем, с кем ты сдружилась,
Служащим всем — сестра и мать.

Хвала тебе за эту твердость!
В Добре, что в латах золотых,
Идя, ты в нас вселяешь гордость
Величьем мудрых дел своих.

В чем твой успех, твой рост реальный?
В пружине мощной и живой:
Народ — вот твой клиент центральный,
Любовь — продукт твой страховой!

Пред ней смирясь, стихают войны,
Объятым ею всякий миг
Друзьям вольготно и спокойно
В ладонях ласковых твоих.

Бурли же силой молодою!
Недаром жизнь тебе дала
Раскрыть над доброй сей землею
Души высокие крыла,

Недаром песне их сердечной
Судил Господь звенеть сполна.
Твой день, твой век — да длится вечно,
Дочь Украины ПРОВИДНА!

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

октябрьские стихи

Приглашение к Октябрьскому Вечеру

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля...

Время, други, песню эту
Вспомнить ныне.
Ведь Земля —
Память наша.
Здравствуй, Праздник!
Ждали мы — и ты пришел!
Так входи же без боязни
В вечер наш!
Садись за стол!

Время, стой!
Душа, воскресни!..

Но часы другие бьют.
Мир — иной.
Иные — песни.
Флаги — новые несут.
Жизнь летит. Иные судьи
Судят строго Век в тиши...

Но давайте помнить, люди,
О бессмертии души!
Что времен ей колесница —
«Завтра» нет, коль нет «вчера»!
Пусть ничто не возвратится,
Но нельзя забыть **добра**
Тех, кто с мыслью об Отчизне,
Не таясь, смотрел в лицо
Злым ветрам во имя Жизни —
Наших дедов
и отцов;
Их — красу и честь планеты,
Что у смерти на краю
Не звенящую монету —
Веру чистую свою
В новый день — великий, ясный —
Сберегали про запас,
В час Грядущего прекрасный,
Что придет,
В грядущих нас;

Нам несли они победы,
Что своими мы зовем...

Слава вам, отцы и деды:
Вашим светом — мы живем!
Вам, волнуясь, посвящаем
Вечер памяти живой.
Пой, труба!
Мы начинаем
Праздник светлый нынче свой!

Памяти Эпохи

*Всем годовщинам Октября,
минувшим и грядущим*

Предвижу возраженья охи,
Но правда лучше, чем вранье:
Мы — внуки огненной эпохи,
«Октябрь» — название ее.

Она ушла.
Нет тех традиций,
И стало модным в наши дни
От славы прежней откреститься,
Как от стареющей родни.

Ну что ж! Всегда найдутся люди,
Что, хлеб сегодняшней жуя,
Ее без жалости осудят
И похоронят.

Но не я.

Не мне стрелять Эпохе в спину,
Вонзая ей в грудь кривой стилет.
В глазах стоит одна картина
Недавних, девяностых лет.

В толпе оратор новомодный,
Жирком бряцающий толстяк
Рвет партбилет свой принародно,
С азартом топчет алый стяг.

Что ж, видно, не впервой юродство
Тому, кто, люб для подлецов,
Плевал на честь, на первородство,
На память, на своих отцов —
На тех, кто в бой ушел из детства,
Навечно в смерти молодых,
Билетом покрывавших сердце,
И знамя оведало их
В снегах Москвы, у стен Рейхстага...

Таким был дед мой, Ермаков,
В весну пришедший из гюлага
В лохмотьях ветхих, без зубов.
Истерзан, худ сверх всякой меры,
Он верил в «планов громадье»,
В нем было столько **этой** веры!

Так мне ли растоптать ее?

И мне ль не памятен тот парень,
Сын неба и российских сел
С простой фамилией Гагарин,
Что с верой **этой** в высь взошел!

О них, как прах презревших славу,
С великой нежностью пою,
Любивших не себя — Державу,
Не шкуру — Родину свою,
В Эпоху веривших, как в чудо,
Как верит пахарь в вешний гром...

Она — была.
И мы — оттуда.
Помянем же
ее
добром.

В.К.

(ровеснику)

Ты чист, как новенький полтинник,
И рад я встретиться с тобой.
Друг мой, ты нынче именинник!
Прими же стих мой — дар живой!

Будь славен!
Ибо славно племя
Шестидесятых юных лет!
Святое, сказочное время,
Нам давшее судьбу и свет,
Роднит с тобой меня, в глубинах
Души сияя, как звезда...

О сокровенная картина!
Мы были счастливы, когда
Вдаль на Большом летели кони,
Мир был торжественен и нов,
Носили «мини», и в ООНе
Туфлей постукивал Хрущев.

Вставали росные рассветы,
Звенела высь, цвела земля,
В далекий космос шли ракеты,
И люди пели «Тополя»
Душой, без ложного искусства,
Как над младенцем мать...

И ты
В глазах моих, в негромких чувствах —
Хранитель
этой
чистоты,
Приплывший в день мой настоящий
От светлых детства берегов.
Живи ж сто лет, добро дарящий!
Люби!
Будь счастлив!
Будь здоров!

Здравствуй, Дедушка Мороз!

Новогодние спектакли

Мешок из Макаронии*

Трагическая микропьеска с хэппи эндом

Действующие лица

Дед Мороз

Новый Год

Компетентное Лицо

Ответственное лицо

Добрая Фея

Зайчик

Массовка из добрых лесных зверушек

Сцена в зале, оформленном по-новогоднему и заполненном гостями, сидящими за уставленными яствами столиками. Сценическое пространство изображает опушку в зимнем лесу. На ней, взявшись за руки и распевая веселую новогоднюю песню, водят хоровод лесные зверушки. Увлеченные танцем, они как будто не замечают ничего вокруг себя.

У края опушки появляется Зайчик. Лицо его выражает волнение и радость. В классически-заячьей манере — прыг-скак, прыг-скак! — он спешно приближается к танцующим. Завидев Зайчика, те прекращают свой танец и выжидательно смотрят на него.

Зайчик

(задыхаясь от счастья)

Ликуйте, братцы!

Нынче праздник!

Год новый близится,

И вот

Мне сообщил дружок-проказник:

К нам Дед Мороз сюда идет!

*(дети бурно ликуют, возгласами и жестами
выказывая свой восторг)*

Румяный мощный старичище

В тулупе алом, точно флаг!

Нос — во! Лопатой — бородища!

Пушистый иней на бровях!

Идет уверенной походкой

Из антарктических глубин

Тайгою пахнувший и водкой

Зимы веселый властелин.

Шагает он — кряжистый, яркий,

Ведя за ручку Новый Год...

И, может быть, с собой подарки

В мешке, как водится, несет?

Быть может, тащит вам конфетки,

А мне — морковку иль батон?

(прислушивается)

Но что я слышу? Гнутя ветки!

Смотрите же, друзья: вот он!

На поляну, шурша своей шубой и по-стариковски побряхтывая, выходит добрый Дедушка Мороз. С ним — Новый Год, малорослый мальчишка-крепыш в полушубке и шапке с подходящими цифрами. При виде компании лесной народ восхищенно ахает.

* Стихи написаны мной в период работы в совместной украинско-итальянской торговой компании «Класс».

Дед Мороз

(довольный произведенным эффектом)

А вот и я!
Признайтесь: ждали?
Ну то-то.
Стар я, братцы, стал.
(кряхтя поморщивается)
Жмет ревматизм.

(кивком головы указывает на напарника)

Какие дали
С мальчонкой этим отмахал!

Но, видно, не зазя старался,
Попавши в достославный «Класс»,
По тундре да степям мотался,
Чтоб вас порадовать сейчас!

Мешочек мой — всегда со мною,
И нынче для господ и дам
Его торжественно открою
Под нашей елочкой. А там
Припасены дары такие,
Что любо-дорого смотреть!
Дары заморские, крутые:
Приняв — не станете жалеть!

Бутылка виски — джентльменам,
Чтоб в их крови разжечь пожар,
А чтобы кайф был совершенным —
Ларец душистейших сигар.

Ну, а для дам... В том нет загадки:
Нежнее утренней зари
Чистейшей белизны прокладки
С названьем редким «Carefree»!

Ученикам — тетрадки в клетку,
Младенцам — соска и горшок,
Всем прочим выделю конфетку...

(спохватываясь, шарит у себя за спиной)

Позвольте же, да где мешок?!

Новый Год

Да что ты, дед?

(костьшками пальцев стучит себя по лбу)

Господь с тобою!
Мешка-то ты с собой не брал!
Ты ж в Макаронии весною
Его — припомни! — заказал.

Дед Мороз

(растерянно-смущенно)

Постой-ка... Как же...
Вспоминаю...
Заказ был сделан по весне.
Склероз. Маразм.

О старость злая!
(неожиданно решительно)
А ну подать мобильник мне!

Новый Год достает из кармана и протягивает Деду мобильный телефон. Дед набирает номер. В то же самое время на другом краю сценического пространства является джентльмен солидного вида. На груди его табличка с надписью «**Компетентное Лицо**». В момент, когда номер набран дедом, мужчина прикладывает трубку к уху.

Алло! Синьор Петров?
Отлично.
Мороз на проводе, браток.
Ответь-ка, милый: где мой лично
Весной заказанный мешок?

Компетентное Лицо
(развязно-панибратским тоном)

Мешок? Оу, йес!
В наличьи, батя.
Со всем заказанным как есть.
Но в Макароны он. Нам хватит
Дней двадцати его привезть!

Дед Мороз
(в ужасе и гневе)

Дней ДВАДЦАТИ?!
Да ты рехнулся!
Мешок СЕЙЧАС мне нужен тут!
Во влип я! Ну и обманулся!
Давай мешок, ведь люди ждут!
Недель без счету пролетело,
Все сроки вышли, озорник!
Гони мешок, и кончим дело,
Не то сосулькой станешь вмиг!

Компетентное лицо
(в той же близкородственной манере)

Ну ты даешь! Дрожу, дедуля!
Да что попишешь: нет мешка!
Тебя, нет спору, киданули,
Но не нарочно же!
Пока!

*(небрежным движением прячет
мобильник в карман и уходит)*

Дед Мороз
*(вне себя от ярости, обращаясь одновременно
к зрителям и к себе)*

Вот оборот! Нет, вы видали?!
Попасть к *такому* молодцу!
Что делать, други?!
Я в печали!..
(почесав затылок, внезапно с просветленным видом)
Другому звякну я Лицу!

Снова звонит. В этот момент на том же краю сцены, где ранее являлось Компетентное Лицо, возникает новый господин с мобильным телефоном и слащавой улыбочкой. Табличка на его груди гласит: «**Ответственное Лицо**».

Дед Мороз

(кричит в трубку)

Алло, алло! Мороз на связи!
Звоню по поводу мешка!
Уладьте это безобразие,
Утешьте, мистер, старика!

Ответственное Лицо

(ангельским голосом)

Да-да! Естественно! Конечно!
Мерзавец этот наш Петров!
Да ты не майся так, сердешный,
Ведь твой мешочек жив-здоров!
Ты, старичок, не беспокойся —
Все в норме. Кроме одного:
Куда-то канули инвойсы
Мешка-мешочка твоего.

Дед Мороз

(в крайнем нетерпении)

Да где ж мой груз? Да как же можно?
Мне без него совсем беда!
Ответьте же!

Ответственное Лицо

(неожиданно меняя тон, проникновенно-печально)

Он на таможне
Застрял.

Дед Мороз

(тоскливо)

Надолго?

Ответственное Лицо

(замогильным надтреснутым голосом)

Навсегда...

Утирая слезу, мужчина прячет мобильник в карман и уходит. Дед Мороз потрясенно молчит. Он в шоке, лицо его перекошено застывшей гримасой ужаса. Немая сцена продолжается секунд десять. Наконец, дар речи возвращается к деду.

Дед Мороз

(воздевая руки к небу, патетически)

О, боги!
О, судьбина злая!
О, старый я лапландский гриб!
Куда позор свой скрыть — не знаю!
Как быть? Что делать?
Я погиб!

Знать, помереть в тоске-кручине,
Сосулькой канувши во тьму...
Нет, быть Морозом в Украине
Не пожелаю никому!

Повисает томительная пауза. Дед невидящим взглядом смотрит в пустоту перед собой...

Вдруг раздаётся серебряный звон фанфар. Мрак обстановки рассеивается им напрочь. Дед Мороз вскидывает голову и, широко раскрыв в изумлении глаза, видит, как на сцену царственно-величаво вступает высокая статная дама в сияющих одеждах. Это **Добрая Фея**, и её увенчанный серебряной звездой колпак ни у кого не оставляет в том сомнений. В руках у неё красный тугий мешок, завидя который Дед Мороз немедленно вливается в него взглядом... и, наконец, понимает, в чем дело!

Дед Мороз

(взволнованно, восхищенно)

Поверить этому не смею:
Осуществляются мечты!
Моя спасительница, Фея!
Передо мной явилась ты!

Куда как дело было худо,
Со мною пошутили зло.
Кудесник сам, не ждал я чуда...
И вот оно произошло!

Добрая Фея

(торжественно, взглядом указывая на мешок)

По мановению Господню
В срок точный прибыл сей товар.
О, мой Мороз, ликуй сегодня!
Со мною твой бесценный дар!

Он здесь. И ныне позабудем
Плохое — ведь хорош итог!
Что взять с людей?
Они — лишь люди!
Будь счастлив, дед!
Держи мешок!

Торжественно вручает мешок деду. Тот радостно хватается за него, обнимая и любовно глядя, точно малое дитя. Полянка вновь заполняется детишками. Ликуя по поводу нашедшейся пропажи, они выстраиваются вокруг Дедушки Мороза и опять заводят «В лесу родилась елочка». Мороз, еще не вполне оправившийся от счастливого потрясения, растроганно:

Дед Мороз

Хоть я колдун —
Да спец по снегу
И промерзанию земли.
О, слава, слава вам, коллеги!
Спасибо вам, что помогли!

*(с энтузиазмом пожимает и долго трясет руку Добрай Фее.
Обращаясь к зрителям, с усталым и довольным видом)*

Ну что ж, друзья,
Свершилась пьеса.
Все счастливы, и нет проблем.
Эх, было б в жизни так чудесно!..

(делает широкий приглашающий жест)

Теперь — ко мне!
Подарки — всем!

Дед развязывает мешок и, счастливо улыбаясь, принимается за свой привычный труд — раздачу новогодних подарков. Общее праздничное оживление.

ЗАНАВЕС
КОНЕЦ

Здравствуй, Праздник!

Вводный мини-спектакль новогоднего вечера

Действующие лица

Ведущий
Дед Мороз
Снегурочка

Пространство гостевого зала тонет в таинственной полутьме, расцвеченной огнями большой новогодней елки. Неожиданно вспыхивает единственный прожектор, озарив небольшой пятячок сценического пространства. В поле света вступает нарядно одетый человек. Это — *Ведущий вечера*.

Ведущий

(задушевно, торжественно, напевно)

За окном пурга клубится,
Застилая небосвод.
Время — сказочная птица:
Взмах крыла — и Новый Год
У дверей!
О, праздник Сказки!
Миг волшебный!
В дом ты вновь
Входишь светом отчей ласки,
Обнимаешь, как любовь!
Старый друг!
Посланник Детства!
Вечности еловый Дух!
Снова — ты!
Как бьется сердце!..
Ночь светла от белых мух.
Вьется, стелется поземка
В поле и по-над прудом,
То свистит, то плачет громко,
Хлад струя.
Но жарок Дом,
И среди просторной залы
Свят и тесен дружий ряд,
Речь бойка, звенят бокалы,
Льется смех, глаза горят
Восхищеньем дивной встречи,
Силой жизни, хмелем чаш.

(с восторгом и пафосом)

Здравствуй, Праздник!
Здравствуй, Вечер,
Новогодний вечер наш!

*Воцаряется краткая пауза, отмечаемая аккордами популярной новогодней мелодии.
Вслед за тем Ведущий продолжает.*

Мир земной — для счастья создан,
Для него, судьбы залог,
Зажигает в небе звезды
Всемогущий вечный Бог.

И пускай метель скрывает
Их от нас зовущий взгляд,
Но они — то всякий знает —
По-особому горят
В Новый Год!

И мы ль забудем
Об одной из этих звезд?
(возвышая голос, торжественно-призывно)
К нам пришел — ликуйте, люди! —
Гость желанный — дед Мороз!

Луч еще одного прожектора, вспыхнув, озаряет овалом вход в зал. На пороге все видят деда Мороза и Снегурочку. За плечами деда — большущий красный мешок, в руках — мощный посох. Приветствуя гостей вечера улыбками и помахиванием рук, сказочные персонажи триумфально проходят по дорожке меж столиков к сценическим подмосткам и царственно вступают на них, сменяя Ведущего. Свет, идущий за Дедом и внучкой, в миг слияния с первым, недвижимым лучом, вдруг сменяется общим светом, ярко заливающим весь зал.

Дед Мороз

Братцы!
Вам скажу по чести,
Не шутя скажу — всерьез:
Счастлив быть сегодня вместе
С вами дедушка Мороз!

*(поднося рукавицу к сердцу, приветственно
и по-стариковски степенно кланяется народу)*

Из Лапландии трескучей,
Из арктических краев
По долам, сквозь лес дремучий
Шел я к вам...
И хоть не нов
Путь был сей —
Да больно древний
Дед, однако, нынче стал!
Проходя через деревни,
Каюсь, малость отдышал:
Не пылил снежком по кронам,
Не морозил местный люд —
Поправлялся самогоном,
Где по случаю нальют.
И порою, хряпнув чарку
В сельской праведной семье,
Я раскуривал сигарку
С мужиками на скамье.
А они не отпускали
(Популярен как-никак!),
Всяким яством угощали:
«В путь такой — да натошак?»
Сало ваше знаменито:
Съел его — и вот те раз:
Словно нет радикулита!
За мешок — и в добрый час!

Шел и в день и ночью темной
Я, Грядущего гонец,
Шагом меря мир огромный —
И добрался наконец!

И теперь — от вас не скрою —
Счастливы вас обнять, друзья!
(с довольной улыбкой указывает на свою спутницу)

Вот — Снегурочка со мною,
Внучка милая моя!
Серебром искрится шубка,
Очи радостью горят.
Кабы не она, голубка —
К вам поспеть бы мне навряд!

Снегурочка

Отмахав такие дали,
Оказаться на балу —
Счастье, дед мой! Мы попали
К новогоднему столу!
Право, есть же Бог на свете:
Нас послал он в добрый час!

(оба, обращаясь к залу)

С ним, желанным всей планете,
Поздравляем нынче вас!

Дед Мороз

И полночной гранью этой,
Восходя в иную Новь —
Да исполнитесь вы Света!
Да пребудет в вас Любовь!

Снегурочка

В мире этом беспокойном,
Точно вешняя вода,
Да не будет места войнам,
Зло — да сгинет навсегда!
Добрый лишь пусть знаменитым
Будет среди людей,
И пусть
Не родится в мире Гитлер,
А сияет Иисус!
И пускай лишь в деле чести
Всякий будет командир!
Да пребудут люди вместе!
Да настанет в мире — Мир!

Дед Мороз

Пусть согласья в доме каждом
Золотая крепнет связь,
Пусть в сердцах не слабнет жажда
Жить — творя, дружить — смеясь,
А любить — так солнца жарче,
Свято чтить отца и мать,
Светлым — свет струить поярче
И пореже — умирать!
Принцем всяк пусть станет нищий —
Воссияй, Добра заря!

(Дед и Снегурочка — хором)
Новый Год! Войди, дружище,
Воротами января!
Звучат патетические аккорды

Снегурочка

(Деду — настырно и тихо)

Дед...

Дед Мороз

(так же тихо — Снегурочке)

Да знаю, внучка, знаю!
Чай, родимые, уж ждут!
Чай, свой долг не забываю!
(обращаясь к гостям — в полный голос)
Разлюбезнейший мой люд!
Люд веселый, шумный, яркий!
Любишь сладкое, кажись?
(после секундной многозначительной паузы)
Принимай теперь подарки
И душой — возвеселись!

Под мелодию «Елочка» дед спускается в зал с мешком и с учтивым поклоном оделяет каждого подарком. После чего возвращается на свое возвышение к внучке.

Снегурочка

Вей, поземка, доброй вестью,
Серебром стучись в дома —
Жарко тем, кто нынче вместе!
Властвуй, Зимушка-Зима!
Ярче нам сияйте, звезды!
Ведь известно сколь живи:
Мир земной для счастья создан —
Это значит: для любви!

Дед Мороз

(назидательно — в зал)

Все от ней проистекает!
(Снегурочке)
Мы с тобой — не от нее ль?
(снова обращаясь к залу)
Люди! Всех вас поздравляю!
*(оба снимают головные уборы,
дед — усы и бороду)*

Снегурочка

Мы свою сыграли роль.
Пусть теперь снимаем маски —
Но не минет Чуда час!
Не иссякнет время Сказки!

(хором, мощно)

С Новым Годом, люди, вас!

Под мелодию оба уходят

ЗАНАВЕС

КОНЕЦ

О ПРАХЕ

Виват, Популист! Апология древнего персонажа

Бандитам — тюрьмы, народу — справедливость!

Предвыборный клич одного пацана

С приближением выборов жить в Украине становится веселей. Для отлова электората, весь пылая жаждой справедливости, на тропу добычи выходит Популист, шут и гангстер политики. То ли оттого, что он метит в высокое кресло, то ли просто от редкостной мощи своей лицедейской натуры, пылает Популист, аки днем хвост павлиний. То вдруг потребует от действующей власти вынуть да и положить ему на стол всенародное благо, преступно припрятанное мерзкой компашкою нынешних лично для себя. То плеснет в конкурента помоями: вор, пьянь; народ, берегись! То, играя бровями, предъявит суровый иск по обеспечению малозащищенных слоев населения с моментальной выдачей студентам — студентова, пенсионерам — пенсионерова, кесарям — кесарева и т.д.

Короче, старается Популист вовсю, и, справедливости ради заметим, дело стоит того. Беда одна: со времен незабвенного дедушки Ленина, враз затребовавшего не больше и не меньше как мир народам, посягнуть на что-либо мало-мальски масштабное нету шансов. Нынешний Популист переживает кризис жанра: он измельчал и, судя по всему, без внешней помощи из этого положения вряд ли выберется. Быть может, дело еще и в том, что он малость перестарался, деля наш народ на народ и бандитов. Где-то напутал, трудяга, при размежевании полюсов, обмишурился в неких акцентах. И бандитам досталась справедливость, народу — остальное. Я просто теряюсь в догадках, что именно получил по итогам раздачи сам милейший г-н Популист.

Вот почему, питая глубокое почтение к персоне означенного мужа безотносительно к тому, как видит он небо — в сплошняк или в клетку, — как гражданин, я считаю своим долгом помочь ему. Вниманию всех, кто бессонной борьбой за народное счастье торит себе путь к политическим хлебным вершинам — мой помещаемый ниже краткий универсальный свод предвыборных тезисов.

ПОПУЛИЗМЫ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Ура!
Да здоровствует!
Навстречу!
Навеки!
Родина!
Вперед!
Старушкам — зубы!
Хатам — печи!
Китайцам — чай!
Худым — живот!
Весне — сирень!
Ковбою — лассо!
Неумывахе — Мойдодыр!
Меч — ножнам!
Кисточку — Пикассо!
Больному — грелку!
Мышке — сыр!
Ночь — дню!
Зоологу — букашку!
Соль — хлебу!
Марафонцу — бег!
Грудь — бабе!
Вору — каталажку!
Народу — правду!
Тундре — снег!
Борщу — сметану!
Стих — поэтам!
Тигр — джунглям!
Роте — командир!
Костру — поленья!
Власть — Советам!
Горилке — перец!
Миру — мир!

НЕПЕЧАТНОЕ

Из жизни, как и из песни, слова не выкинешь. Есть у меня и такие стихи

О прозе бытия

нескромные стихи Олежки Ермакова

Жизнь в мире — трудная работа
Разумным божьим существам:
В ней места много для полета,
Да крылья кто-то спутал нам.

Что будто б проку в укоризне?
Ликуй, душа! Безумствуй, стих!
Всему виной — гримасы жизни.
О да!
Дальнейшее — о них.

Гримасы жизни прихотливы.
Вот был, друзья. Один поэт
Гуляючи, увидел диву,
Милей какой не знает свет.
— О, фея грез, — он молвил пышно, —
Ты — совершенства идеал,
Твои уста красны, как вишня,
Луне под стать лица овал!
Очей бездонных непорочный
Взор на меня, царица, брось!
Лозы стройней твой стан восточный —
Я покорён, пронзен насквозь!
О, быть хотел я б малой птахой,
На твой садыщейся берет...
Как звать тебя?
— Пошел ты на ...й! —
Был дивы короток ответ.

Гримасы жизни — не игрушки.
Вот вам жестокий мадригал.
Художник юную пастушку,
Нагую, маслом написал.
Для обозренья в галерее
(Он был эстет, художник сей)
Повесил, горд рукой своею,
Младой типаж в цветах полей.
И видит он: перед картиной,
Профессор истинно на вид,
Седой породистый мужчина,
Не отрывая глаз, стоит,
В живой мольбе воздевши руки
К пастушке, как самой судьбе,
Исполнен радости и муки,
И шепчет что-то сам себе.

«О, вот ценитель благодарный! —
Подумал мастер. — Вот, друзья,
Стать мудреца, взгляд лучезарный!
Так подойду услышать я
Суд мужа, кем горда Европа,
В ком светоч мысли не угас!»...
И слышит он: «Какая жопа!
Бля буду, кончу прямо щас!»

Гримасы жизни — прямо страсти.
Простец, что знание возлюбил,
— Скажи мне, что такое счастье? —
Волнуясь, друга спросил. —
Быть может, есть оно стремленье
К брегам иным, за горизонт?
Быть может, неба наблюденье,
Чей над людьми раскинут зонт
(И грезишь в нем ты полный света
Мир удивительный, большой)?
Иль видишь ты его приметы
В мерцаньи глаз фемины той,
Для коей умереть не жалко,
Мечтой горя... Ответствуй, друг!
— Фемины оной ставя палку,
Его вкушаю я, индюк!

В бурлени века — не на тризне,
Но сколь иной нам тяжек час!
Гримасы зла, гримасы жизни,
Где утаиться нам от вас?
О, почему (душа тоскует!)
Бог вдохновенье людям дал,
Но в мире грубость торжествует
И хамство в нем свой правит бал?

Так горевал молодой мыслитель,
Слезу роняя в свой бокал,
В кругу застольном (чей любитель
Был этот муж). И продолжал:
— Но не позволю я, о братья,
Пасть в эту мерзость самому!
Клянусь, сумею постоять я
За честь Искусства! Никому
Его не выдам как святыню.
Пусть суждено мне пострадать —
В заботе сей я тверд отныне.

Таков уж я, е...ёна мать!

ГАВАНЬ ВЕЧНОСТИ

строки с Небес

Месяцу

юношеские стихи

Над холодной ночью водою
Месяц ежится в россыпях звезд,
А к нему, чуть приметной тропой —
Серебристый чешуйчатый мост.

По мосту в черноту поднебесья
Прямо к Месяцу я поднимусь
И скажу: что, братишка, невесел?
Я пришел, чтоб прогнать твою грусть!

Я пришел, я вознесся в Безбрежность,
Чтоб среди мертвого блеска светил
Подарить тебе дружбу и нежность —
Ты о них, верно, милый, забыл?

Ты забыл в соответствии странном,
Где начало слились и конец:
Быть и чьим-то
возможно
желанным,
Слышать стук
и любимых
сердец.

Знаю: грусти не холод причина,
Не от Вечности ветра ты сник:
Одиночества туча-морщина
Бороздит ослепительный лик.

Одиночество.
Тенью сторукой
В свой громадный становится рост
В пустоте.
Но ужаснее мука,
Если ты одинок среди звезд.

Звезды.
Звезды.
Блестящие блюдца
В мириады бессмысленных ватт.
Равнодушны?

Быть может, смеются?
Может быть, надо мною?
Молчат!
Сквозь пространство стрелю несутся,
Но движенья не чувствует глаз...
Не за то ль неживыми зовутся,
Что они убегают от нас?

Убегают —
как будто в испуге,
Точно воры в каминной трубе.
Не тревожась о нас, друг о друге —
Помня лишь о себе,
о себе!

Что ж, пусть так.
Мир не нами ведь создан,
Только знаешь: всего-то больней
Что порою в безжизненных звездах
Узнаю я
живущих
людей.
В толстокожих скаредных светилах
Вижу их, праздносущих Скупых,
Человеков, Вселенной постылых,
Мертвых — в сути, наружно — живых.

...Полог синий вдруг вздыбился ало:
Вспыхнув трепетно массою всей,
Над планетой звезда отпылала:
То сгорел Человек
для людей.

О войне помышляю ль, о хлебе —
Я поэт,
и скажу как поэт:
Люди — звезды.
Такие, как в небе.
Их деяния — свет,
звездный свет.

* * *

Мерно льется, бездушный и строгий,
Свет недвижно горящих лампад...
Все грустишь, мой товарищ двурогий?
Может, в грусти той я виноват?
Может, вовсе того не желая,
Чем-то я опечалил тебя?
Ты поверь: я об этом не знаю,
Ты прости: не нарочно ж — любя!

Вот пиджак мой.
Тебе маловат он?
Плечи шире?

Да то не беда!
Был бы теплым, а там — хоть заплатан,
Другом был бы лишь дан — и тогда
Неудобства исчезнут.
Смотри-ка:
Вон поляна на Млечном Пути,
Там, должно быть, в поре земляника —
Что нам стоит туда забрести?

Ну, смелей!
Дум тяжесть развея,
Что чугуно лежат на плечах,
Навестим старика Водолея,
Влаги звездной в Медведиц ковшах
Мы отведаем всласть, утоляя
Сухость уст и томленье души,
На комету взглянем, что, пылая,
Во вселенской блуждает глуши.
Гончих Псов осторожно потрепдем
По огромным ушам, а потом
Искупаем их в облачном пепле,
Расчесав голубым гребешком.
Плащ из снов Андромеде подарим,
Под хрустальным помокнем дождем,
Побываем на звездном базаре...
Хочешь, друг?
Дай мне руку!
Пойдем!

Неба холодом вовсе не пробран,
Я спущусь.
А вверху, среди огней
Будет Месяц мне щуриться добрый,
Добротою
согретый
моей.

* * *

Барабанит в окошко дождь,
Как несбывшееся желанье.
Ты уже никогда не придешь
В дом, хранящий твоё дыханье.
Не заваришь душистый чай,
Не согреешь своим приветом:
Ты ушел в запредельный край,
В Млечный Путь, к голубым планетам.

С кем пребудешь ты в том краю,
Нам, земным, как святую малость
Подаривший любовь свою?
Ты ушел.
Но любовь осталась.

В ней — спасение от потерь,
И в Любви — сокровенном Слове
Входишь ты в золотую дверь,
Что для чистых душ наготове.

Поздний час. Отворилась даль.
Тихо в росы звезда упала.
Не о том, что уйдем, печаль,
А о том,
что *тебя*
не стало...

* * *

Жизнь — поле,
где конца и края
Нельзя увидеть бrenным нам;
Жизнь — храм,
Его мы создаем,
И где награда сим трудам?
Кто наши бдительные судьи,
Делам ведущие итог?
Кто вознесет нас?
Разве люди?

О, не они —
один лишь Бог!

Лишь Он один хозяин в храме,
Его десницей всяк храним,
И тот в мирском не тонет хламе,
Кто свой ответ
несет
пред Ним.

* * *

Как жалко мне тебя, Закат!
Над смолкшим лесом, над осокой
Тускнеет твой багряный взгляд
И отлетает одиноко,
Нездешний в мире, как любовь...

О, как собрать хотелось мне бы
Твою мерцающую кровь,
Печаль разлившую по небу!
О как, воспрянув головой,
Мечтой объемлем был я страстной,
Чтобы навек ты был живой,
Самоубийца мой прекрасный!
О, как желал бы я, родной,
Тебя исполнить горним светом,
Природе девственной земной
Явить тебя благим Рассветом!
Тьму навсегда исторгнуть прочь
Одно лелею упование,
Чтоб не настала в мире ночь,
Не гасло нежное Сиянье!

Но не дано.
Что зиждет Бог
Тем не сменить, чего желаешь.
Сиянию пришел итог,
Срок наступил: ты умираешь!
Моим сочувствием стократ,
Пред зевом Вечности алея,
Ты огорчишься.
Знаю, брат.
И все же я
тебя
жалею.

Посвящение в Книгу

*Цель благой человеческой жизни – посадить дерево,
воспитать дитя, написать книгу
(древняя истина)*

Отрок, мужем возжаждавший стать благородным!
Муж благой, воскрепляющий благодать свою!
Вам, о други, во тьме предвождаемый духом свободным,
Песнь как книгу священную, книгу как песнь – я пою.

Песнь как жизнь, жизнь как книгу, что писана сердцем,
Я сердцам возвещу, превзойдя бремя тленных минут,
Опыт многих отдав, свет исторгнув – восстану младенцем,
Взор ваш ясный наградой мне будет за труд,
Ибо благостен Дар.

Человек, в мире этом живущий!
Что есть ты? Боль познавший – что радостью мнишь?
В днях себя возлюбив, есть ты только лишь червь праздносущий,
Мир великий любя – ты орлом над веками паришь!

Так Любовью живи! Воспари, не печалься нимало,
Что Любовь – огонь, как древо сжигающий утлую плоть.
Не она нам глава. В мире вечном одно лишь Начало:

То Господь...

Ноланец

ПОЭМА

17 февраля 1600 года на Кампо деи Фьори (площади Цветов) в Риме был сожжен по обвинению в ереси великий сын человечества Джордано Бруно¹. Приговор был подписан Священной Конгрегацией, верховным органом Италии по расследованию и пресечению преступлений против веры. В вину мыслителю ставилось нарушение коренного догмата папской церкви — материалистически истолкованной Птолемеем пифагорейской идеи о центральности в миропорядке, «гармонии сфер», созерцателя-человека. Место Духа, каков этот зритель по сути², в доктрине церковной занял жалкий в своем самовластии полный сосуд его, брэнна Земля, и с ней плоть земнородная наша. Зря истину, Бруно отрицал земные превосходство и исключительность³. Миров, подобных Земле, мыслил он, — по дыханию жизни, гармонии — множество, кое суть Воля Одна⁴.

Бог — во всем. Он сияет в вещах, меж каких нет презренных. Он светит и в нас — и божественны мы, свет сей зная как **БОЖИЙ И СВОЙ**.

Так утверждал Джордано, по-детски бескомпромиссно и жарко веривший в Человека и его Звездных Братьев. С верой сей он взошел на костер.

Многие вещи, говаривал Кант, способны возбудить удивление и восхищение, но подлинное уважение вызывает лишь человек, не изменивший чувству должного. Таков есть навечно Джордано. Подвиг его, нас волнуя поныне, пронзает века простотой. Гений Света, явив Знанья луч — как Христос, не с людьми он боролся, но с тьмой в них. Враг лжи, был он Любящим в чистых очах. Он стремился с восторгом во Истину, и в храм ее огонь костра стал вратами⁵.

1

Костер заложен честь по чести:
Вязанок хвороста, поди,
Хватило б человек на двести.
Но ожидается — ОДИН.

Час ранний. Кампо деи Фьори.
Мир слеп. До света полчаса.
Людское, цвета пепла, море.
Рим ропщет. Немы Небеса.
Тень от распятия на лицах,
Ноздрей фигурный вырез вздут...

(голоса толпы)

«Сколь ждать еще?!» —
«Ужель свершится?» —
«Ах, сударь, скоро ль поведут?» —
«Великий Бог! Святая Дева!
Народ бунтует. Слышу звон
Точимых копий. Дети гнева
Идут, им имя — легион!
Знать, настает, по всем приметам,
Италии недобрый час.
Кровавым брезжит день рассветом...
За что караете вы нас?» —
«Довольно ныть! Не в храме, право!
Слов минул час — нужны дела,
Чтоб вольнодумия отравы
Не злей игристого была.
Оставить след сожженья б моду!
Ведь водам Тибра все равно:
Коль возжелал плебей свободу,
На шею камень — и на дно!
Запомни, чтоб не вторить дважды,
Будь ты купец иль духовник:
Свободолюбцев тьма, и каждый —
Всего лишь вшивый еретик!» —
«Да, чернь сегодня одурела,
Как от прокисшего вина:
Едва придушен Кампанелла⁶ —
Явился новый сатана!
И, верно, первого похлеще:
Твердит о множестве миров,
Мол, жизнь, она и в небе плещет,
Мол, Братья там нашли свой кров;
К мирянам руки простирают,
Хоть их призывы не слышны...» —
«Не суд — сам Бог его карает!» —
«В костер посланца Сатаны!» —
«Глупец! Обугленная туша
И из барана хороша.
Скажи мне, как изжарить душу —

Огнем не зыблема душа!» —
«Упрямя. Как бился с ним Пинелли!»⁷ —
«Тот самый? Да неужто?» —
«Тот.
Рот раскрывает еле-еле,
Свое ж бормочет. Так-то вот...» —
«А говорят, ведь был священник,
Брат-проповедник, говорят?»⁸ —
«Был — что с того! Теперь — мошенник,
Теперь одна дорога — в ад!» —
«Эх, теснотища здесь, однако!
Со всех сторон клещами жмут!
Боюсь, когда пойдет, собака,
И плюнуть в рожу не дадут!» —
«Живьем, живьем его зажарить,
Греховный лопнет пусть живот!
Чем он — пусть лучше кучка гари,
Спокойней так...»

И вдруг — «Идет!»

«Идет!» Вмиг братия вскипела,
Темномантийный взвился спрут,
«Идет!» — в устах мирян гудело,
Но не кричал никто — «ведут!»

Толпы невидимые струны
До звона напряглись тотчас
И — лопнули:
Джордано Бруно
Шел по земле
В последний раз.

2

Он шел.
Поверх голов смотрящий,
Поверх — и каждому в лицо,
Тот самый Бруно,
Настоящий,
Один,
Пророк в плену лжецов.
Один —
но с Истиною вместе:
Так, верно, было решено,
Чтоб на жаровне фарисейства
Сожгли их нынче заодно.

Счастливец,
Баловень столетий
В халате стеганом рубцов.
Знаток премудрости и плети.
Друг всех друзей.
Враг всех врагов.
Для палачей непостижимый.
Предмет проклятий и любви.
Черним — но чище херувима,
В крови — но в собственной крови.

С душой загадочнее чащи,
Открытый, как морская гладь.
Прямой.
Ликующий.
Скорбящий.
Молчащий,
каменно молчащий.
Способный
многое
сказать.

Он шел
Средь факельного чада,
Шел в рубище,
но без заплат,
А вокруг него как будто ада
Вился нездешний маскарад,
Как будто именно сегодня
Вся демоническая мразь
Из подземелий преисподней
На эту казнь, шипя, стеклась.

Он шел,
а смерть в лицо дышала,
Огнем дышала,
но с оков,
С волос седых лишь пыль сдувала,
Пыль казематов
иль веков.
Он шел.
Как будто без усилья,
Как на прогулку поутру,
И за спиной, незримо, крылья
Мятежно бились на ветру.
Толпа к лицу тянула пьяно
Рук-сучьев одичалый сад,
Но слышалось сквозь рев: «Джордано!»
И, словно эхо, тихо: «брат...»

Поодаль от святейшей длани,
Живой, как ртуть, и свеж с лица,
Сын гончара, мальчишка Джанни
За локоть теребил отца.
«Жестоко дяди наказанье!
Злодей ли он?» — «Едва ль. Несхож!» —
«Что ж наказуют здесь?» — «Познанье.
Оно, мой сын, острее, чем нож!»

А день, заботлив и беспечен,
Небесноок, курчаво ал,
Вставал
И облачные плечи
Великой силой наливал.
Казалось, в солнца теплом ситце
Рос богатырь, учась ходить,
Креп, чтоб со злом и тьмой сразиться
И — превозмочь, и — победить.
Свет юный дивно занимался,
Земле и мирозданью люб...

Джордано шел
и улыбался
чему-то
уголками губ.

Чему?
Быть может, в провиденьи
Себе он славу прорекал,
Ее оваян жаркой сенью?
О нет,
о славе он не знал!

Не знал:
шаги, что приближают
Его пути лихой конец,
По ветке лавровой вплетают
В терновый траурный венец.
Не знал он:
те, кто ныне, страхом
Обуреваемые, ждут
Его истерзанного праха —
Во прах истории падут,
Что станет он героем Рима —
Того, чьим был сейчас рабом, —
Что, от случайностей хранимый
Людскою памятью,
потом,
когда-то
переплавлен будет
в костром не плавимую медь⁹.
Пускай о том никто не судит:
Он шел,
чтоб просто
умереть.

Из дум последних круговерти
Не отливал он пьедестал.
Не в том был смысл сей строгой смерти:
он
в простоте лишь
состоял.
Лишь в простоте.
Как рук касанья,
Что материнскими зовем,
Как первого в любви признанья,
Как приглашенья в отчий дом.
Лишь в простоте.
Но эта малость
Была костра достойной тем,
Что не себе предназначалась —
Для всей планеты.
Людям.
Всем,
кто жизнь в мозолях рук лелеял,
Кто знал о нем
и кто не знал,
Кто сеял хлеб,
кто правду сеял
Иль, как клинки, ее ковал.

Всем,
кто из черных недр темницы
На небеса, дивясь, смотрел,
Кто к дню тому успел родиться
И кто родиться не успел.

Всем им.
Хоть, думой пламенея,
О том мечтать едва ль он мог,
По воле случая,
точнее —
По воле Божией
Пророк.
Не словом — подвигом предвидя
Звон дюз ракет и звон гитар,
Он шел,
блеск фальши ненавидя,
Как легкомысленный Икар,
Как он,
крылатый,
обретая
на камнях Вечности конец,
Как он,
в падении
взмывая
в высь человеческих сердец.

И — в высь иную,
ту, что Разум
В мерцании звездном перед ним
Открыл, необозриму глазом.
К грядущим дням.
К мирам иным.

Садились голуби на крыши,
Бриз каравеллы в море гнал...
А он
был с каждым шагом
выше,
хоть и Земли не покидал.
Согнулся горизонт дугою,
Метнулась вниз планеты грудь,
И говорящею рекою
Потек, сияя, Млечный Путь.
Полночным заревом акаций
Свет звездный в сердце разлился...
Он шел.
Средь волн цивилизаций.
С ним говорила Вечность вся.

«Кто ты, чей лик нам столь желанен,
Где, друг, отечество твое?
Чей ты посланник?» —
«Я Землянин.
Я к вам с Земли,
я сын ее.
Привет вам, солнечные Братья,
Благие Бога семена!
Сквозь смерть приемлю вас в объятья:

Идущим в Жизнь — страшна ль она!» —
«О да!
Путь прям,
взойди ж скорее
в хор солнц,
в круг Братский,
в дом Отца!»

Жжет пламя.
Кончено.
Слабею...

И все же Жизни нет конца!

3

Той ночью многие не спали,
Тревожил Рим неясный гул.
Жгли в площадях жир.
Чего-то ждали.
А Джанни не стерпел — заснул.

Укрывшись рванью, как парчою,
От бед на время отрешен,
Спал мальчуган.
И сам собою
Ему приснился дивный сон.

* * *

Фонарь луны.
Играют блики
На виноградных гроздьях звезд.
Но чу: веселый смех и крики,
А в небесах — хрустальный мост!

Что ж Джанни? Мальчик испугался:
Стрелою, бездну пополам
Расклинив, мост тот опускался,
А по мосту... шли люди там!

Шли, шли — несчетными рядами,
Бок о бок, рядом и вдали,
Над городами и садами,
К Земле — и дальше, от Земли.

Да люди ль? Пригляделся Джанни
(Ему был в помощь лунный свет):
Одни обличьем как земляне,
Другие — вовсе как и нет.
Но, разнолики, разнокожи,
Они — в том, верно, смысл был свой —
Между собою были схожи,
Как дети Матери одной.

Смеялись, а казалось — пели,
Сплетя миллионы крепких рук.
Куда б они ни посмотрели —
Иль друг на друга иль вокруг —
Глаза их, словно расцветая,

Цветами нежности цвели,
С любовью равной отражая
Цветенье неба и Земли.
И чудилось, что раздавался
Легчайший шорох добрых крыл...

Нет, Джанни больше не боялся:
Средь них один — Джордано был.

* * *

Бывает так.
Костер пылает.
Ждет жертву огненный порог.
Все есть.
Лишь Бруно
не хватает,
что на него
подняться
мог.

Комментарии

1. Бруно — уроженец города **Нола**, что на севере Италии; в слове сем зрима Тьма-Ноль, Божья Длань, ему давшая путь.
2. Поистине, Дух, Центр гармонии сфер, — есть дух **наш** (и в сакральных трудах речено, что любой в Мире зрящий — центр полный его); земля, Духа очаг — наша плоть, с ним согласная волей Творца; круг подлунный, Сансара — в нас бренье; путь к крайней из сфер — стезя нашего роста, в каком преуспев, есть мы Мир.
3. Земля превосходит иные планеты лишь с тем, что центральному Солнцу, Огню есть покорный очаг (**h|est|j|a**); вне сего же она не выходит из ряда планет.
4. О необходимости познания единства Творца через множественность Его творений Бруно, в частности, пишет: «величайших похвал заслуживают те, кто стремится к познанию этого начала и причины для того, чтобы познать по мере возможности его величие, созерцая очами размеренных чувств эти великолепные звезды и сияющие тела; и столько имеется обитаемых миров и великих живых тел и превосходнейших божеств, сколь бесчисленными кажутся и являются миры, не многим отличные от того, к которому мы принадлежим; (...) они знают начало и причину, а следовательно, и величие его бытия, жизни и действия: они показывают и проповедают в бесконечном пространстве бесчисленными голосами бесконечное превосходство и величие своего первого начала и причины».
5. «И долгая жизнь в бесславии, — сказано Пьетро Помпонатци, — не предпочтительнее краткой похвальной жизни, так как жизнь человеческая, даже самая краткая, предпочтительнее сколь угодно долгой жизни скота. Ведь Аристотель говорит в I книге «Этики»: «Долгую жизнь только при прочих равных условиях следует предпочесть кратковременной жизни». // В таком случае оказывается предпочтение не смерти самой по себе, так как она ничто, но праведному деянию, хотя за ним и следует смерть. Так что, отвергая порок, человек не отвергает жизни, которая сама по себе — благо, но отвергает порок, следствием которого явилось бы сохранение жизни». Велик нам Ахилла пример, кто, при данном богами ему выборе меж долгою, но пустой жизнью, и краткою, но полной славы — последнюю твердо избрал.

Впечатляющую панораму казни еретиков чрез сожжение, какой она была в Испании поры бесчинств инквизиции, энергичными красками рисует Поль де Сен-Виктор в новелле, посвященной нравам двора Карла II. **Аутода|фе**, пишет он в предварение этой картины, «при вступлении на престол и свадьбах королей Испании заменяло фейерверк. (...) Инквизиция точно испытывала властителей, принуждая присутствовать их на своих спектаклях; она короновала их пылающим углем Исайи. Прежде чем вступить на трон, они должны были пройти через ее пламя: это было огненным крещением их царствования». Далее следует описание действия: «Огромный эшафот, над которым царил кафедра Великого Инквизитора, был воздвигнут на Plaza-Major. В семь часов утра король, королева, гранды, посланники, придворные дамы, празднично разодетые, заняли места на балконах, с которых был виден этот трагический театр. В восемь часов процессия началась. Сто угольщиков, вооруженных пиками, шли во главе: это была привилегия поставщиков костра. За ними следовали доминиканцы, предшествуемые зеленым крестом, оббитым крепом; герцог Медина Цели, наследственный хоругвеносец инквизиции, присные святейшей инквизиции в плащах, испещренных черными крестами, и тридцать человек, несшие картонные изображения, из которых одни представляли бежавших приговоренных, другие — умерших в тюрьме. Мятежные останки этих избежавших казни были влекомы в гробах, украшенных нарисованными языками пламени. За ними следовали вереницей двенадцать осужденных с веревкой на шее и с факелом в руке; их картонные колпаки были расписаны шутовскими рисунками. Инквизиция высмеивала своих жертв; она наряжала их как манекенов, прежде чем кинуть в свои потешные огни. За ними следовали пятьдесят других приговоренных, одетые в желтые одежды с желтыми крестами. Это были евреи, которые, будучи взяты лишь в первый раз, подвергались пока только бичеванию и темнице. Наконец появились **morituri** праздника, двадцать евреев и евреек, осужденных на костер. Они шли, одетые в свое проклятие и в свою казнь. Их одежды и колпаки пылали. Те, которые раскаянием заслужили милость быть задушенными до

костра, были отмечены опрокинутыми языками пламени; но пламя тех, кого должны были сжечь живыми, стояло прямо, и нарисованные дьяволы, карабаясь по их одеждам, разрывали их. Рты наиболее упорных были заткнуты кляпами. // Зловещая толпа, влекомая веревками, проследовала под королевским балконом, как гладиаторы перед ложей Цезаря. «Этих несчастных протащили так близко от короля, — говорит г-жа д'Онуа [француженка, бывшая свидетельницей действия — *Авт.*], — что он слышал их жалобы и стоны, потому что эшафот, на котором они стояли, касался его балкона. Монахи, некоторые искусные, другие невежественные, с яростью вступали с ними в споры, чтобы убедить их в истинах нашей веры. Среди них были евреи, весьма ученые в своей религии, которые с большим хладнокровием отвечали поразительные вещи». Была отслужена зауспокойная обедня; во время чтения Евангелия священник покинул алтарь и король Испании, с обнаженной головой, приблизился, чтобы у колен великого инквизитора принести присягу святейшей инквизиции. В полдень началось чтение решений и приговоров, прерываемое криками и мольбами осужденных. Между приговоренных к костру была семнадцатилетняя девушка «дивной красоты». Ребенок не хотел умирать; она отбивалась, как бы уже чувствуя укусы пламени, и — обращаясь к королеве, молила о помиловании. «Великая королева, — говорила она ей, — неужели ваше королевское присутствие ничего не изменит в моей несчастной судьбе? Взгляните на мою юность и подумайте, что дело идет о религии, которую я впитала с молоком матери». «Королева отвратила взор, выражая сострадание, но она не посмела ничего сказать, чтобы спасти ее». (*Memoires de la Cour d'Espagne*). Вероятно, она была уже очень поработана страхом, если могла сдержать горькую жалость, переполнявшую ее сердце. Кто знает? Быть может, одна из ее слез потушила бы пламя ужасного костра. // Чтение приговоров длилось до девяти часов; прерванная месса возобновилась: тогда королю и королеве было дозволено удалиться. Но двор и народ сопровождали осужденных, привязанных к ослам, за Фуенкаральские ворота, где был воздвигнут костер. Эта старая Испания была закалена в огнях инквизиции. Гидальго хорошего рода бывал взволнован зрелищем еврея, жарящегося на костре в рубашке, пропитанной серой, не больше, чем римский патриций осмоленными христианами, которых зажигал Нерон. В испанской Сицилии дамы во время аутодафе кушали щербеты, которые им подавали монахи, как туристы пьют лакримакристи в трактирии отшельника, глядя на дымящийся Везувий. // Казнь была ужасна. «Мужество, с которым приговоренные шли на казнь, действительно необычайно, — говорит г-жа д'Онуа. — Многие сами кидались в огонь, другие сжигали себе руки, потом ноги, держа их над огнем, сохраняя при этом такое спокойствие, что приходилось только жалеть, что души столь мужественные не были просвещены лучами веры. Я туда не ездила; потому, что, не считая того, что было уже за полночь, я была так потрясена все виденным днем, что чувствовала себя дурно».

*

Путь в огонь Бруно зрит неотдельным от крестного в мире пути, коим Истина сходит от к власти к безвластью, чтоб в пору свою вновь его осиять. О сем — речь Трисмегиста к Асклепию в бруновском вещем труде «Изгнание торжествующего зверя»: «Видишь ли ты, о Асклепий, сии одушевленные, полные чувства и духа статуи, кои творят множество столь славных деяний, эти статуи, говорю, предвещательницы будущего, кои низводят, смотря по заслугам, болезнь и здоровье, горе и радость на души и тела людей? Разве ты не знаешь, о Асклепий, что Египет — подобие неба или, лучше сказать, колония всех вещей, что правятся и делаются на небе? Воистину, наша земля — храм мира! Но увы! Придет время, когда станут думать, будто Египет тщетно был верным поклонником божества: ибо божество, переселившись на небо, оставит Египет пустынным; и это седалище божества пребудет вдовым, без всякой религии, лишенным присутствия богов, ибо сюда придут на смену племена чуждые и варварские, без религии, без благочестия, без закона, без всякого культа. О Египет, Египет! только сказки останутся от твоей религии, сказки также невероятные для грядущих поколений, у коих не будет ничего, что поведало бы им о твоих благочестивых деяниях, кроме письмен, высеченных на камнях. И сии письмена будут рассказывать не богам и не людям; ибо люди умрут, а божество переселится на небо, но — скифам и индийцам или прочим таким же диким народам. Тьма возобладает над светом, смерть станут считать полезнее жизни, никто не поднимет очей своих к небу, на религиозного человека будут смотреть как на безумца, неблагочестивого станут считать благоразумным, необузданного — сильным, злейшего — добрым. И — поверишь ли мне? — даже смертную казнь определяют тому, кто будет исповедовать религию разума: ибо явится новая правда, новые законы, не останется ничего святого, ничего религиозного, не раздастся ни одного слова, достойного неба или небожителей. Одни только ангелы погибели пребудут и, смешавшись с людьми, толкнут несчастных на дерзость ко всякому злу, якобы к справедливости, и дадут тем самым предлог для войн, для грабительства, обмана и всего прочего, противного душе и естественной справедливости: и то будет старость и безверие мира! Но не сомневайся, Асклепий, ибо после того, как исполнится все это, Господь и Отец Бог, управитель мира, всемогущий Промыслитель, водным или огненным потоком, болезнями или язвами, или прочими слугами своей милосердной справедливости, несомненно положит конец этому позору и воззовет мир к древнему виду».

6. Том|ма|з|о Кам|пан|ел|ла (1568-1639) — итальянский философ, поэт, политический деятель; создатель коммунистической утопии; монах-доминиканец. В 1598 — 1599 г.г. возглавил в Калабрии заговор против испанского владычества, был схвачен, около 27 лет провел в тюрьмах, где создал десятки сочинений по философии, политике, астрономии, медицине, в том числе — труд о Божьей земле «Город солнца».

7. Кардинал Пи|н|д|ел|ли — член руководства Священной конгрегации, один из палачей Джордано.

8. Бруно был монахом Доминиканского ордена.

9. 9 июня 1889 года на месте казни Дж. Бруно был открыт памятник.

Сила любви

сказка

Восславим Творца, многочтимые братья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Некий Ученый, пленившийся песней Соловья, задумал постичь ее тайну. Часами, забыв о других весьма важных занятиях, слушал он вольную птицу в саду, но искусство ее оставалось ему все такой же загадкой, что и прежде. Он хотел разузнать все у самого Соловья, но это был гордый Ученый, и он не любил быть просителем. Однако же любопытство его взяло верх.

— Послушай, Соловей, — обратился он к птице важно, — я познал премудрость многих наук, но не могу понять: отчего и как ты поешь?

— Пой — и поймешь, — сказал Соловей.

— Что за странный совет! — удивился Ученый. — Или не видишь: я не артист. Мелодия твоей песни томит меня как ничто в целом мире. Поведай же, прошу, ее секрет!

— Пой, — сказал Соловей, — мне нечего добавить к этому.

Гнев затуманил взор Ученого.

— Упрямец, — зло прошептал он — ты вздумал смеяться надо мной! Вот как ценима моя благосклонность. Ты не желаешь открыть мне свою тайну? Так погоди же, я возьму у тебя ее сам.

Он поймал певца и посадил его в клетку. Но в неволе Соловья будто подменили: он перестал петь!

— Эй, приятель, куда подевалась твоя песня? — досадливо вскричал Ученый, но ответом ему было глубокое молчание. «Должно быть, Соловей утаил ее в своем горле. Проклятая птица! А ну-ка погляжу, какие рулады она посмела скрыть от меня».

И сказав так, служитель науки убил прекрасную птицу. Острым лезвием он рассек ее горлышко, но не нашел ничего кроме бездыханной плоти. Тогда он решил искать глубже. Вспоров нежную грудку, он извлек внутренности и долго колдовал над ними, взвешивая и наблюдая в микроскоп.

Он очень старался, этот достойный Ученый, трудясь день и ночь без сна и отдыха. Увлечшись, он позабыл, чего искал вначале. А когда тетрадь его распухла от множества пометок, написал мудреный трактат «О Соловье», на треть из латинских слов и на четверть из греческих.

Трактат принес Ученому успех. Сановный двор воздал ему хвалу, и сам Первый Министр увенчал его венком из лавра. Седые академики рукоплескали его открытиям. Коллеги наперебой расточали похвалы.

— Какой талант у этого Ученого! Какой пытливый ум! — восторгались одни.

— Подумать только, он первым в мире исчислил объем соловьиных легких! — упоенно вторили им другие.

— И гортань, — поражались третьи, — он измерил ее, как никто доньше! Есть ли равный ему в науке опыта?

Грудь Ученого украсили медалью. Она была из чистого золота, и Ученый мог по праву гордиться ею: ведь он так славно потрудился!

Ученый ликовал. К его возвращению прислуга навела в доме образцовый порядок. Когда вся обстановка сияла великолепием, взгляд горничной упал на труп небольшой птицы, одиноко лежащий на столе хозяина.

— Что за гадость! — всплеснула руками служанка. — И как это я не заметила его раньше?
И она смахнула легкие останки в корзину для мусора.

* * *

— Хвала, хвала Ученому! — трубили на всех площадях глашатаи.

— Почет и уважение достойнейшему из граждан! — зывали мужи в Высоком Собрании. Простодушный народ не мог сдержать радости, слыша эти слова. Смех и веселые возгласы звучали окрест. И посреди этого ликования лишь один человек не спешил разделить его, оставаясь тих и печален. Это был сам Ученый.

Слава пришла к Ученому, но покой оставил его. С тех пор как был написан трактат, приступы странной тревоги стали посещать его, едва лишь на землю спускались сумерки. Какая-то неодолимая сила влекла Ученого в сад, и там, стоя под ветвями, он напряженно вслушивался в вечернее безмолвие, словно пытался уловить нечто забытое и давно утраченное. Что же? Ученый не мог ответить. Ведь он имел почет и богатство, а что может быть нужно человеку помимо этого?

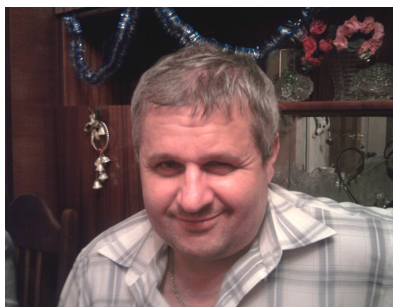
Однажды, когда глубокой ночью Ученый ворочался в своей постели в напрасных попытках заснуть, луч луны упал в раскрытое окно. Он легко коснулся лица Ученого, приглашая в путь, и Ученый, словно давно ждавший, откликнулся на этот призыв. Он взглянул в окно и увидел тропу из лунного сияния, серебром мерцавшую меж деревьев. Дивная легкость наполнила Ученого. Он пошел по тропе, и она привела его на край утеса, темной громадой высившегося над окрестными холмами и рощами.

Недвижимые, в небесной вышине сияли звезды. Внизу, припорошенные лунной пылью, ковром смыкались кроны деревьев, а оттуда... оттуда лились до боли знакомые чарующие звуки. То пел Соловей, и чистая трель его широко и легко заполняла пространство. Даль, раскрывшись, внимала ее привету; ей, крылатой, внимали, склонясь, миры. И тогда Ученый понял, о чем тосковал все это время и зачем пришел сюда. «О, Соловей, — произнес он, — мне только казалось, что я убил тебя, а ты жив и смерть не властна над твоею песней! Я погубил твое щедрое сердце, но теперь знаю, что должен был подарить тебе свое. Что ж, сегодня я исправляю эту ошибку».

Так сказал благородный Ученый. И светло улыбаясь, он шагнул в беспредельность ночи навстречу песне, которую так любил.

Восславим Творца, многотимые братья! Дел великость Его — малым нам назидание.

Справка об авторе

Ермаков Олег Владимирович

Родился в 1961 году в г. Мичуринске Тамбовской области (Россия), там же окончил среднюю школу. В школьные годы — победитель VII Всесоюзного конкурса школьных сочинений в жанре очерка (1975). Окончил Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко по специальности «химия» (1983). Около 10 лет работал в химической отрасли Украины, далее — в журналистике, пройдя путь от репортера до главного редактора всеукраинского журнала. Автор ряда изобретений и цикла трудов о Вселенной. Автор стихотворного сборника «Сила Любви» (2001), профессиональный художник-карикатурист.

Женат, имеет взрослого сына и двоих внуков.
В настоящее время живет в Киеве.

Адрес просмотра и скачивания главного труда:

http://library.univ.kiev.ua/ukr/host/viking/db/ftp/books/other/theory_of_mir-vermakov_2009.pdf

Контактные данные:

моб. тел. + 38-095-836-42-41,
дом. тел. + 38-044-533-12-20,
e-mail: hermakouti@ukr.net

